



Дом актёра - 1996 - №3-4 - с. 11

ПЕРСОНАЖИ ДОСТОЕВСКОГО В АДУ КАФКИ

«Братья Карамазовы и ад» — редкий случай сбывшихся надежд. От премьеры «Современника» ожидали многого. В ялом потоке театральных новинок явно не хватало спектакля-«гвоздя», который определил бы лицо сезона. От Валерия Фокина ждали события. Ожидания он оправдал.

Николай Климонтович написал на основе самого грандиозного романа пьесу-притчу о Человеке Ищущем, о Человеке Алчущем, чьи дела и помыслы устремлены к добру, но порождают только Зло, Насилие и Отчаяние. Достоевский для Климонтовича прежде всего — предтеча Кафки. Драматург выбрал из романа наиболее «кафкианские» сцены-размышления, сцены-аллегории, те минуты выбора, в которых каждый шаг, каждое слово надолго определяют дальнейший путь. То ли в больном сознании Ивана, то ли в нашей памяти, прихотливо возвращающейся к самым мучительным и нестерпимым страницам «самого мучительного писателя», снова и снова всплывают бредовые монологи, споры и встречи в семье Карамазовых.

Польский художник Вольдемар Заводзинский создает на сцене образ разрушенного, покинутого храма с контурами фресок на стенах, храма, ставшего прибежищем темной силы.

В мире, в котором когда-то (когда жил Бог) был свет, теперь играют и режутся черты, блистательно сыгранные Авангардом Леонтьевым и Александром Кахуном. Их пространство, их время, их душа. Они ведут допрос Мити, они ходят по пятам за каждым героем, комментируя и направляя их слова и поступки. Адское царство так безгранично и беспредельно, так привычно

и буднично, что ничего другого не остается, как мечтать о воплощении в толстую семипудовую куклику с ее истовой верой в спасительность свечей и молитв. Ад XX века — не жаровни и вопли грешников, а бюрократическая канцелярия, где бегают с бумагами деловитые черти в костюмах и галстуках, ставя подписи и печати на бесчисленных документах.

Старый пакистанец Папаша Карамазов в победоносно-ярком исполнении Игоря Кваши делится своим опытом сладострастия: «для меня во всю жизнь мовешек не было», причмокивая и гримасничая, ри-

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР СОВРЕМЕННИК

Спектакли Валерия Фокина — постоянный источник споров и столкновений. Последняя его премьера не стала исключением.

суя жестами и мимикой непристойные картины. Омерзительный пугающий грязный развратник и одновременно — испорченный ребенок, слишком простодушный и ограниченный, чтобы прикоснуться к действительно Злу.

Мучаются мыслью большей, чем они сами, три брата, потерявшие, как и положено в притче, имена, — Старший (Сергей Гармаш), Средний (Евгений Миронов), Младший (Дмитрий Петухов).

Солирует в этом трио, безусловно, Евгений Миронов, сыгравший одну из своих лучших ролей на сцене. Его Иван — неотразим и жалок, гадок и близок одновременно. С мучительной завистью смотрит он на идилический разврат отца, на бурные мятжи Мити. Внору позавидовать натуральным грехам плоти. Что они рядом с бурей пугающих идей и мыслей! Разврат ума, грех гордыни. Величайшие грехи мира пьедестал только в человеческом мозгу.

Этот Иван сам строит свой ад, в котором корчится и изнемогает его душа.

Чумные мысли, черная ненависть этого человека отражают окружающих, внушая им страшные поступки. Убогий, смиренный Смердяков (исполнение Василия Мищенко — одна из больших удач богатого актерскими победами спектакля) — бастард Карамазовых — покорно как овца идет за дьявольским внушением. Маленький человек в плену бесовской идеи — образ, постоянно мучающий Достоевского. В спектакле Смердяков, вершащий суд над собой, обретает спокойное достоинство человека, принявшего свою судьбу.

Этим грешникам не поможет даже праведный Старец. Михаил Глузский играет не столько праведника, сколько мудреца, знающего нечто, недоступное другим. И где-то с высоты ангельские голоса Ярослава Здорова и Марии Лемешевой напоминают об иной жизни, о пространстве Света.

В аду, понятно, рай — только тень, только отблеск, только слабая возможность и невероятная надежда, которая для Валерия Фокина — лишь оборотная сторона тоски.

Ольга Еюшина



БЕСНОВАТЫЕ

Пять лет назад режиссер Фокин нокаутировал театральный мир сакраментальной версией «Идиота», посвященной (из солидарности с кем-то из персонажей, так обозвавшим Настасью Филипповну) — «Бесноватая». В своем роде шедевром: казалось, нельзя перенести Достоевского на подмостки более плакатно и плоско. И взапертый над сценой помост, символизирующий вершины духа; и симметрично



ЗЛОДЕЙКА, ИЛИ КРИК ДЕЛЬФИНА — МХАТ-Ч

Пьеса Ивана Охлобыстина о двух молодых людях, на которых дама из «Интим-бюро» произвела настолько неизгладимое впечатление, что все вокруг решили официально пожениться, рекламируется постановщиком Михаилом Ефремовым «исповедью поколения 30-летних». Однако, после того как один из героев убивает другого (тот, как Ла-

риса из «Бесприданницы», кричит «я сам, я сам»), а потом выбрасывается из предусмотрительно распахнутого окна, криминально-трисексуальную историю можно именовать и поколенческой заповедью.

ОН ПРИШЕЛ — Моссовет

Единственно: кто его пригласил?

АССАМБЛЕЯ — Новый драматический

Верный курсу на оригинальную драматургию Борис Львов-Анохин рискнул доверить постановку художнику Андрею Сергееву, почему ряд красивых картин смотрится тяжеловесным; самое интересное — заочный поединок исполнительницы главной женской роли Веры Васильевой и Любови Новак.

ИЗМЕНА — Театр им. Ермоловой

Изящная комедия Леонида Зорина в постановке Владимира Андреева — о провинциальной гордости, уязвленном самолюбии, в самом мире, из которого вырваться можно, лишь придумав себе историю измены жены со столичным поэтом эта история которая превращает главного героя в великодушного страдальца, сумевшего простить. Неожиданны работы В.Зайцева и В.Павлова, а песня Ю.Саульского имеет все шансы стать популярным шлягером.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ — Ермоловский центр

Трое актеров разыгрывают Лескова с удовольствием и от сочного слова, и от забавно-трагичной повести, и от собственного пребывания в центре внимания зрителей ма-